

первопричины всего существующаго—Бога, духовной природы человѣка, послѣдней цѣли бытія и мотивовъ нравственной дѣятельности человѣка. Но это сходство только формальное и вѣднѣе. Въ дѣйствительности религія и философія суть области совершенно различныя и самостоятельныя. И какъ невѣрно мнѣніе нѣкоторыхъ мыслителей, что при богооткровенной религіи излишня и бесполезна философія, такъ должно и противоположное ему мнѣніе, разбираемое нами, будтобы религіозное вѣднѣе можно замѣнить философскимъ знаніемъ. Истинная философія не можетъ остановиться на поль-пути, не можетъ удовлетвориться указаніемъ только конечныхъ или естественныхъ причинъ бытія, и потому не можетъ ограничиться поверхностнымъ, чисто атеистическимъ отрицаніемъ бытія Бога. Это было бы противно самымъ естественнымъ требованіямъ человѣческаго разума. Такихъ людей Давидъ совершенно справедливо называетъ *безумцами*, т. е. людьми не мыслящими по законамъ здраваго разума. Но всякое только *раціональное* познаніе Бога, не основывающееся на Божественномъ Откровеніи, (на откровеніи со стороны Бога *Самаго Себя* человѣку), вслѣдствіе естественной ограниченности человѣческаго разума, будетъ неудовлетворительно и ложно; философъ будетъ представлять себѣ Бога не такимъ, какъ Онъ есть, а такимъ какимъ Онъ можетъ быть только по соображеніямъ одного ограниченаго человѣческаго разума. Исторія философіи представляетъ много самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ сказаннаго нами; достаточно вспомнить о религіозно-философскихъ міросозерцаніяхъ древнихъ восточныхъ народовъ—гностиковъ, неоплатониковъ,—затѣмъ—Іакова Бѣма и мистиковъ вообще, а съ другой стороны о всѣхъ такъ называемыхъ пантеистическихъ системахъ, въ которыхъ на мѣсто живого личнаго Бога ставится какое либо мертвое, безжизненное, отвлеченное, ничего неопредѣляющее абсолютное начало: абсолютная субстанція, абсолютная идея, абсолютное Я или абсолютная воля.

Философія имѣетъ своимъ источникомъ ограниченный человѣческій разумъ, отъ котораго исключительно зависитъ ея характеръ, направленіе и степень достовѣрности, истинности возвѣщаемаго его ученія; но такъ какъ разумъ человѣческій